

жем; ее руки «опутаны заданиями главного управления в Москве» (Там же. С. 273). В ее сознание проникают штампы политической пропаганды: на любовь и сочувствие к людям она начинает смотреть как на ненужную «сердобольную отзывчивость» (Там же. С. 356). Роман показывает, что Б. расстался с идеалистическими представлениями об окружающей жизни.

Скрытые настроения писателя были замечены. 16 дек. 1936 на собрании писателей В. П. Ставский сказал, что рассказы Б. «обидно произведениями литературы называть» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 109. Л. 10). 26 апр. 1938 Б. был арестован и приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в контрреволюционной пропаганде (Бирюков А. М. — С. 10). 6 июня 1939 доставлен на Колыму, работал забойщиком на одном из золотых приисков, заболел, умер в лагерном пункте «Инвалидный». Последнее письмо с Колымы его жена, поэтесса и переводчица В. В. Ильина, получила в 1939.

Соч.: Любовь к жизни: рассказы, пьесы. 1930–1934. М., 1935; Писательница: романы, рассказы. М., 1988; Саранча: рассказы. М., 1992.

Лит.: Сергей Буданцев // Гусман Б. 100 поэтов. Тверь, 1923. С. 46–47; Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918. Воспоминания. Тифлис, 1925. С. 169–171; Шаумян С. Бакинская коммуна. Баку, 1927. С. 112–116; Калантарова М. М. Из лит. жизни 1920–1930-х годов (по архивным материалам С. Ф. Буданцева) // Русская лит.-ра. 1978. № 3. С. 155–163; Парнис А. В. Хлебников — сотрудник «Красного воина» // Лит. обозрение. 1980. № 2. С. 105–110; Полосина Л. И. Лит.-ра сделалась профессией... // Буданцев С. Писательница. С. 3–11; Бирюков А. М. Даже если очень ждешь (по материалам следственного дела) // Вечерний Магадан. 1995. 17 февр. С. 10.

В. В. Перхин

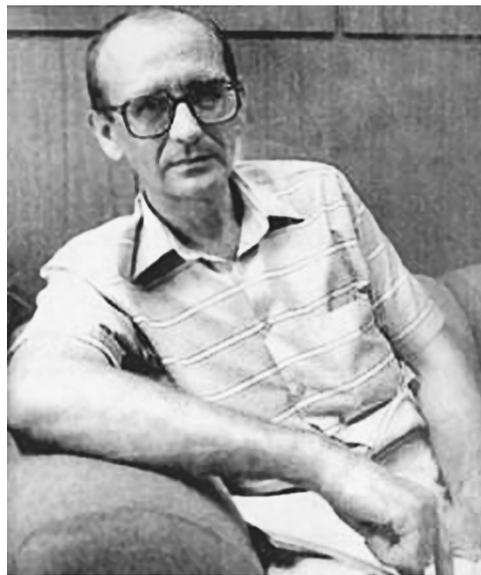
БУЙДА Юрий Васильевич [29.8.1954, пос. Знаменск Калининградской обл.] — прозаик, критик.

Отец — военнослужащий, работал в Саратовском облисполкоме, в 1948 осужден; впоследствии — директор бумажной фабрики. Мать — юрист. Б. окончил филол. ф-т Калининградского ун-та. По профессии журналист. Работал в областной, столичной прессе, был ответственным секретарем ж. «Знамя», обозревателем газ. «Известия». Живет в Москве. Первая лит. публикация — три эссе в ж. «Соло» (1991. № 4). В 1990-е появляются рассказы в ж. «Октябрь», «Знамя»,

«Волга», альм. «Лепта». Первые романы — «Дон Домино» (1993), «Ермо» (1996), «Борис и Глеб» (1997). Первый сб. рассказов — «Прусская невеста» (1999). Наиболее отмечены критикой роман «Ермо» и сб. «Прусская невеста». Лауреат премии им. Ап. Григорьева (1999). Жанр книги «Желтый дом» (2001) Б. определил русским суффиксом «щина». В последующие годы написаны романы «Город Палачей» (2003), «Ое животное» (2003), «Кенигсберг» (2003).

Семантика реальной фамилии Б. (Bujda в польском, западнобелорусских диалектах — «ложь, фантазия, сказка, байка») идеально соответствует поэтике его прозы, как удачно подобранный псевдоним. Критики пишут о неисчерпаемой изобретательности Б. на сюжеты (О. Славникова). Сложные, хитроумные фабулы воплощаются в органичном для Б. жанре новеллы. Его герои, как и автор, всегда рассказчики невероятных историй, «лучшие в городе лжецы, краснобаи, брехуны» (Булавка // Октябрь. 1998. № 11. С. 102). Худож. идея Б. — «у людей никогда не пропадал и не пропадет вкус к сжато и ярко рассказанной истории»: только рассказанная, жизнь человека и человечества «обретает смысл и завершенность» (Там же. С. 103). Более того, сочинение истории для Б. — это единственный способ постижения земной истории, возможность вовлечь в индивидуальный опыт жизнь всех предыдущих поколений.

Тоска юного героя из сб. «Прусская невеста» (глава «Вместо предисловия») по древ-

Ю. В. Буйда

ней прусской земле, на которой возник и мгновенно уничтожил полное чудес прошлое советский городок, неизбежна в мире Б. Фантазия избавляет от тоски: «и я не знал иного способа постижения этого мира, кроме сочинения этого мира» (Там же. С. 6). Необыкновенная сила воображения Б. (А. Немзер) творит из живого материала действительности мифы, в которых предстает целостная картина мироздания. Древнейшие времена и наши дни, эпоха Иоанна Грозного, Гражданская война и XVIII в., Казанский вокзал Москвы, о. Крит, Сибирь и Венеция, патриархальный прусский городок Wehlau (Веллау) и он же под советским названием Знаменск — эстетически равноценные фрагменты мозаики, из которых складывается всеобщая беллетризованная биография человечества. В поэтике Б. два главных способа худож. преобразования действительности — через чудесное и гротеск. Б. обновил жанр фольклорной легенды о чудесных событиях («Чудо о чудовище») и средневекового христианского сказания («Птица из Веллау»). В гротескных образах из сб. «Прусская невеста» («Красавица Му») критики видят воплощение жестокой и пошлой жизни русского провинциального городка (Агеев А.— С. 214). Стиль прозы Б. разнообразен, как и его сюжеты. Б. свободно меняет стилистические маски, из рассказчика-обывателя перевоплощаясь в новеллиста эпохи Боккаччо, средневекового хроникера, прозаика времени «Донских рассказов» Шолохова, писателя-эмигранта первой волны. Б. заимствует жанровую форму, стилевую манеру соответствующей сюжетному времени лит. эпохи, поэтому его воображаемые миры выглядят убедительно. Стилизация и сказ — органичные для Б. повествовательные формы. Диалектный, жаргонный, высокий книжный, архаичный, экзотический словесный материал, свойственный речи рассказчиков разных времен и народов, предоставляет богатые возможности для языковой игры в прозе Б. Мировая лит-ра обжита Б. больше, чем окружающая действительность. «Фантасмагорические сюжеты „Прусской невесты“ — раздолье для эрудита» (Славникова О.— С. 215). Итальянский новеллист XV в. Мазуччо Салернитанец, Набоков, Шиллер, Лермонтов, Бунин, Генрих фон Кляйст, Шолохов, Фолкнер, Э. Т. А. Гофман и др.— цитатное поле, разрастающееся вокруг текстов Б. Важную роль играют имена героев: «в каждом прозвище (всегда уникальном...) уже зашифрован туго свернутый сюжет» (Славникова О.— С. 215). В худож. мире Б. установлено демократичес-

кое равенство всех героев: Симеон Грек («Симеон Грек»), прекрасная Алатиэль («Царица Критская»), бомжиха Урла («Сестра моя смерть») одинаково живописны и окружены авторским теплом. В иерархии персонажей верхнюю ступень занимает писатель — сочинитель занимательных историй по призванию («Ермо», «Скорее облако, чем птица», «Желтый дом»). Образ гениального писателя-эмигранта Георгия Ермо-Николаева близок Б., т. к. воплощает заветную худож. идею об отношениях жизни и искусства: переживание жизни как «дуновения» («Ночь»), пролетевшего над бездной, поглотившему все бесчисленные события прошлого; восходящее к романтикам понимание творчества как способа преобразить скучную обыденность. Роман предоставляет автору возможность избавиться от неудовлетворенности собой, своей судьбой и прожить в образе героя любую необыкновенную, идеальную жизнь (по Б., в этом назначение искусства). Н. Елисеев склонен видеть в «Ерме» преодоление комплексов «души писателя при социализме»: Б. бежит «от постылой и скучной действительности» постсоветской страны в мир эстетства и красотостей (Елисеев Н.— С. 230). Б. утверждает для себя единство эстетической и нравственной позиции: «идеал у нас может быть только один — «положительно прекрасный человек» (Дружба народов. 1999. № 9. С. 179). Самому Б. дороги «Яблоко Макса», «Веселая Гертруда», «Синие губы», как воплощающие его этический идеал. Б. известен как критик. Статья «„Тихий Дон“ течет на Запад?» (Известия. 1998. № 35. 25 февр.) сыграла положительную роль в драматической истории обретения рукописи 1 и 2 книг «Тихого Дона» Шолохова. Эссеистика Б., публицистические работы с подзаголовком «между жанрами» (Знамя. 1996. № 5; 1999. № 2) еще «мало кем внимательно прочитаны» (Агеев А.— С. 215). Б. публикует журналистские материалы на актуальные политические, культурные, исторические темы в еженедельном ж. «Новое время».

Соч.: Люди на Острове // Соло. 1991. № 4; Дон Домино // Октябрь. 1993. № 9; Ермо // Знамя. 1996. № 8; Борис и Глеб // Знамя. 1997. № 1, 2; Прусская невеста. М., 1999; XX век: веки истории — веки судьбы: Анкета // Дружба народов. 1999. № 9; Скорее облако, чем птица. М., 2000; Замок Лохштедт // Знамя. 2000. № 2; Желтый дом. Щина. М., 2001; Ое животное // Октябрь. 2003. № 1; Город Палачей // Знамя. 2003. № 2, 3; Кенигсберг // Новый мир. 2003. № 7.

Лит.: Ремизова М. Сотворение мира // Независимая газ. 1993. 22 мая; Быков Д. В зороре // Общая газ.

1994. № 39/64; Дмитренко С. Любовь и линия // Новая ежедневная газ. 1994. 22 нояб.; Аннинский Л. Так чем же все это кончилось? // Новый мир. 1995. № 2; Немзер А. Взгляд на русскую прозу в 1996 // Дружба народов. 1997. № 2; Елисеев Н. Писательская душа в эпоху социализма // Новый мир. 1997. № 4; Агеев А. Черная бабочка сновидений // Знамя. 1999. № 7; Курбатов В. Дорога в объезд // Дружба народов. 1999. № 9; Славникова О. Обитаемый остров // Новый мир. 1999. № 9; Меднис Н. Е. Моление о чаше в романе Ю. Буйды «Ермо» // Лит. произведение: Сюжет и мотив. Новосибирск, 1999; Рыкова О. Буйдовщина // Книжное обозрение. 2001. № 2; Прокофьева И. О. Опыт комплексного анализа философской притчи Ю. Буйды «Сон самурая» // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц. Уфа, 2001; Fernandez D. Bouïda à Venise // Nouvel observateur. 2002. № 1960.

А. А. Митрофанова

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич [3(15).5. 1891, Киев — 10.3.1940, Москва] — прозаик, драматург.

Родился в многодетной семье профессора Киевской духовной академии. Детство и юность Б. прошли в Киеве — духовной колыбели писателя, изначально определившей тему и атмосферу многих его произведений. В творчество Б. Киев войдет как Город (роман «Белая гвардия») и станет не просто местом действия, но воплощением сокровенного чувства семьи, родины, России (очерк «Ки-

М. А. Булгаков

ев-город», 1923). Решающее влияние на формирование будущего писателя оказали дружная обстановка большой интеллигентной семьи, душой которой была мать, Варвара Михайловна, учительница по профессии; город на Днепре, где все дышало русской стариной; учеба в Первой киевской гимназии (1901–09), из которой вышли мн. знаменитые люди (впоследствии она займет свое место в одном из центральных эпизодов романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных»); медицинский ф-т Киевского ун-та (1909–16), по окончании которого Б. получил звание «лекаря с отличием» («Автобиография», 1924); культурная среда (университетская и офицерская), окружавшая его. Все это воспитало в Б. человека, который смолоду превыше всего ценил честь, достоинство и независимость личности. Киевские годы заложили основы мировосприятия Б. Здесь зародилась его мечта о писательстве. По словам его сестры Н. А. Земской, в 1913 он читал ей свой рассказ «**Огненный змей**» (Чудакова М.—С. 44), что свидетельствовало о приобщении к лит. занятиям. Ко времени Первой мировой войны, когда «внезапно и грозно наступила история» («Киев-город»), Б. уже сформировался как личность. После окончания ун-та, летом 1916, он работал в госпиталях Красного Креста на Юго-Западном фронте. Тогда же был призван на военную службу и переведен в Смоленскую губ., где стал врачом сначала сельской больницы (с. Никольское), затем с сент. 1917 — Вяземской городской больницы. Эти наполненные напряженным ежедневным трудом годы послужили материалом для восьми рассказов Б., составивших цикл «**Записки юного врача**» (1925–27). Работу над ними он начал там же, в Смоленской губ., регулярно записывая свои впечатления от встреч с больными.

Перелом в жизни России (Октябрь 1917) прошел почти незаметно для земского лекаря Б., поглощенного совсем другими заботами. Его поездка в Москву осенью того же года была вызвана не интересом к событиям революции, что пытались из лучших побуждений приписать ему некоторые биографы, а желанием освободиться от военной службы и от личного недуга, довольно точно воспроизведенного в одном из рассказов упомянутого цикла — «**Морфий**». Вплотную с событиями революции и Гражданской войны Б. столкнулся в своем родном Киеве, куда возвратился в марте 1918. В условиях калейдоскопической смены властей в столице Украины в 1918–19 остаться в стороне от схватки было невозможно. Сам Б. в одной из анкет на-